

Правление Петра III.

Болезнь и смерть Елизаветы хотя не была неожиданной случайностью, тем не менее застала придворный круг неприготовленным: против Петра не раздалось ни одного голоса, и он воцарился спокойно при общем горе и унынии двора и народа, потерявших любимую царицу. Екатерина сама в своих записках описывает эти первые дни царствования Петра. По ее словам, Петр III был недоволен, что его тетка умерла на святках и своей смертью помешала ему веселиться. Ужин во дворце уже был накрыт, когда наступил час смерти императрицы, и Петр приказал не снимать ужина, и ели через комнату от того покоя, где лежала Елизавета. Тогда же без церемоний и стеснений обнаружилась его пассия к Воронцовой, на которой он хотел жениться. Положение сразу сделалось зазорным и неприличным. Однако при дворе не переменилось ничего в первые минуты царствования: оставались Шуваловы и Воронцовы; старший Разумовский вышел в отставку, но не был опальным; младший остался у дел. Опал вообще не было, но явились мало-помалу новые люди в качестве любимцев. Из Германии прибыли два дяди Петра, голштинские принцы; из них принц Георгий (или «Жорж») стал сразу русским генерал-фельдмаршалом и временщиком; второй принц Петр был только фельдмаршалом, но не временщиком. Оба они были членами Совета, учрежденного Петром вместо елизаветинской Конференции и состоявшего из девяти человек. В этот Совет попал возвращенный из ссылки старый Миних, попали и люди времени Елизаветы, Н. Ю. Трубецкой и М. И. Воронцов. Все это были влиятельные персоны нового правления. Появились и придворные любимцы, вроде генерала Гудовича, шталмейстера Нарышкина и многих голштинцев.

Петр III начал свое правление довольно деятельно, рядом любопытных мер. Можно думать, что он действовал с чьей-то указкой, стараясь показать, что он достоин власти. Вступил он на престол 25 декабря 1761 г., а уже 17 января 1762 г. в Сенате подписал указ о возвращении опальных людей прошедшего царствования и заявил свою волю относительно службы дворян: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». 18 февраля явился и манифест о вольности дворянской. В нем говорилось, что прежде необходимо было заставлять дворян служить и учиться, невольная служба и учение принесли пользу, ибо дали государству много сведущих, годных к делу людей, а с другой стороны, истребили в дворянской среде «грубость и невежество» и вкоренили благородные мысли; поэтому уже нет необходимости принуждать дворян к службе. Все служащие могут или оставаться на службе, или уйти в отставку; только военные люди не могут брать отпусков и отставок во время кампании; не служащий дворянин имеет право даже ехать за границу и служить там. Но обязанности обучения манифест 18 февраля не упразднил, а выразил ее лишь в виде повелительного совета с высоты трона, «чтобы никто не дерзал без обучения наук детей своих воспитывать».

Так снята была с дворянства его тяжелая государственная повинность. Мы видели, что уже при Елизавете дворянство становилось привилегированным классом, получив имущественные права, каких не имели другие общественные классы. Освобождая его от личной государственной службы, Петр III создает ему этим личные привилегии, также чуждые другим классам. Ко времени Екатерины II, таким образом, дворянство делается уже вполне привилегированным сословием. Но оно не имеет внутренней организации; до сих пор ему организацию давала самая служба по полкам, его соединяли служебные связи; теперь эта организация должна была потерять свою прежнюю роль, ибо дворянство усиленно уходило из службы в деревню и нуждалось в новой организации – сословной. Ее дала дворянству Екатерина II.

Вольность дворянства была самым крупным делом Петра III, внушенным ему, как мы уже говорили, со стороны дворянства, близкого к Елизавете. По посторонним же внушениям, конечно, пришел он к решению уничтожить некогда страшную Тайную канцелярию, ведавшую политические преступления. При Елизавете ее деятельность не была заметна, потому что время Елизаветы было временем мира внутри государства. Уничтожить канцелярию, как малодействующее учреждение, было легко, а между тем это уничтожение могло содействовать популярности нового правительства в народной массе, как манифест о дворянстве должен был сделать его популярным среди дворян.

Но правительство Петра не только не достигло народного расположения, но возбудило общее неудовлетворение. Никакие разумные указания осторожных советников Петра не могли помочь ему и загладить его бестактность, исправить его ошибки, скрыть его невозможные выходки.

Он внутри государства обнаружил свои нерусские симпатии, окружил себя голштинцами, стал переделывать русские войска на прусский и голштинский лад, смеялся над всем русским, даже над православной обрядностью. Он закрывал, например, без всякого основания домовые церкви, которые были в обычае. Домовая церковь была тогда всегдашней принадлежностью всякой зажиточной усадьбы, даже городского богатого двора. От глубокой старины велся этот обычай, и уже в московскую эпоху на злоупотребление им жаловались ревнители доброго церковного порядка. У Авр. Палицына находим мы описание того, чем были домовые церкви: маленькая изба, бедный иконостас, деревянная утварь, холщовое облачение и полуголодный; на площади нанятый на одну службу, или на одну потребу, «безместный» поп... Чем легче было завести и чем дешевле было содержать «свою» церковь, тем сильнее и распространеннее было стремление именно к «своей» церкви. Против этого глубоко вкоренившегося в быту стремления и стал Петр III. Помимо частного ущерба и обиды в уничтожении домовых церквей было и принципиальное неудобство: выходило так, как будто православный государь воздвигал гонение на церковь. Но этим дело еще не ограничивалось: Петр требовал от духовенства уничтожения икон в церквях и хотел заставить его носить светское платье; к Синоду обращался с оскорбительными указами; дело о церковных имуществвах он привел к самому невыгодному для духовенства решению. Духовенство чувствовало себя оскорбленным и даже подало императору энергичный протест, не изменивший, однако, ничего: Петр не понял протеста. К гвардии, привыкшей к высочайшему вниманию, Петр относился так, что пошли слухи об уничтожении ее. Он называл гвардейцев янычарами, томил их ученьями по немецкому образцу, изменял привычные военные порядки и отдавал предпочтение своим немецким войскам. И гвардия чувствовала себя оскорбленной и питала «превеликое неудовольствие». Волновались и крестьяне: в них ясно жило сознание того, что они обязаны государством работать на помещиков именно потому, что помещики обязаны служить государству; в них жило сознание, что исторически одна обязанность обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность, следует снять и крестьянскую. Но крестьяне видели, что правительство, разрешив дворянский вопрос, не замечает связанного с ним вопроса крестьянского. Поэтому начались крестьянские волнения.

В то же время внешняя политика Петра не нравилась русским людям и оскорбляла национальное чувство. Россия со славой вела войну с Пруссией, теряла для нее массу людей, тратила много денег, но был успех, и народ был спокоен. Как только вступил на престол Петр, война была прекращена; войска получили приказание сдать свои магазины пруссакам и оставаться в Померании для будущей помощи своим недавним врагам. Петр отказался от всех завоеваний в Пруссии и вступил с Фридрихом в тесный союз, условия которого были продиктованы

прусским послом в Петербурге – Гольцем. Этот Гольц был при Петре III почти полным распорядителем действий русской дипломатии. Прусское влияние при русском дворе было всемогуще. И все это вышло из личных наклонностей императора: благоговей перед Фридрихом, Петр жертвовал своему личному чувству всеми интересами России. Такое направление дел, бесславное окончание славной войны и господство в Петербурге голштинцев и пруссаков давало народу повод думать, что давно прошедшее рабство перед немцами наступает снова с Петром III. Понятно, с каким негодованием относились ко всему этому русские люди. В одном только деле Петр III не шел на помочах своего кумира Фридриха: он упорно хотел воевать с Данией и отнять у нее Шлезвиг для Голштинии. В этом он действовал, как голштинский герцог; но действовал средствами и силами России. Ясно, что эта затея могла только усилить негодование русских, справедливо не желавших знать интересов Голштинии. Однако для этой Голштинии вербовали солдат на русские деньги; к походу на Голштинию делали приготовления; голштинцам дали первенство и полную волю в России.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствие. Избавившись от опеки строгой тетки, Петр наполнил ее дворец дымом солдатского кнастера и запахом вина и портера, которыми злоупотреблял почти ежедневно, и еще с утра. Поэтому за обедом он уже не владел собой, говорил заведомые небывлицы или обнаруживал такие секреты политики и придворных отношений, какие следовало хранить строго. День свой часто кончал он неприличными и шумными пирушками, которые видел весь город, потому что они происходили не в одном дворце, и о которых писали даже иностранные послы своим дворам. У русских людей обливалось сердце кровью от стыда за Петра III; им хотелось «бежать неоглядкою» от его выходок. Елизаветинские вельможи не могли примириться с казарменными нравами нового двора; Ив. Шувалов на коленях просил Петра избавить его от всех знаков его милости; Кирилл Разумовский не мог сдерживать гневной судороги на лице, бывая во дворце и видя новые порядки. Петр издевался над всеми старыми сановниками, заставляя их маршировать по плац-парадам в силу их военного звания. Он смеялся даже над пожилыми придворными женщинами и передразнивал их. «Он не похож был на государя» – таков был приговор придворной среды над Петром III.

К жене отношение Петра, и прежде враждебное, теперь перешло в ненависть. Екатерина мешала ему жить. При ней он не мог жениться на Воронцовой; в Екатерине мерещился ему иногда и политический враг, и каждую минуту он чувствовал, что она осуждает его, стоит в оппозиции ко всему, что ему нравится, что он затевает. Он хотел обуздать ее, но на это не хватало умения; да и Екатерина вела себя так, что не было предлога придрасть к ней. Однако чем дальше, тем решительнее становился Петр по отношению к Екатерине. Он однажды оскорбил ее при всех на Торжественном обеде: Екатерина не встала во время тоста в честь императорской фамилии и на вопрос Петра объяснила, что не встала потому, что сама принадлежит к этой фамилии. За этот ответ Петр громко обозвал ее бранным словом и грозил арестом. Не стесняясь в отношении Екатерины ничем, Петр прямо показывал, что желает избавиться от жены: то начинал говорить, что заточит жену в монастырь, что разведется с нею; то намерен был заключить ее в Шлиссельбург. Однажды он отдал даже приказ арестовать ее, но отменил его по настоянию дяди Жоржа. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнет от мужа, если он останется у власти. Знали это и в обществе, где Екатерину любили, и ее горе было одной из причин дурного отношения общества к Петру.

Так, деятельность и личность Петра вызывали народное негодование. По свидетельству современников, ропот на него был «всенародным»; все, кроме десятка царедворцев, желали перемены на престоле и говорили об этом открыто, «отваживались публично и без всякого опасения говорить и судить и рядить все дела

и поступки государевы». Ропот поэтому был известен и при дворе Петра и даже дошел до Фридриха. Петра предостерегали и дом, и из-за границы. Фридрих советовал ему скорее короноваться и быть осторожным. Но Петр ко всему этому относился легкомысленно; хотя он и следил за И. Шуваловым, хотя и вспомнил, что жив император Иоанн Антонович, но не принимал серьезных мер общего характера.

Это и помогло развитию заговора, который созрел, по обычаю XVIII в., при дворе и в гвардии. Руководил им не Шувалов, и направлялся он не в пользу императора Иоанна, а в пользу Екатерины. О существовании заговора знали самые высокопоставленные лица при Петре (генерал-прокурор Глебов, начальник полиции Корф, Кирилл Разумовский, дипломат Никита Ив. Панин и др.), но они не предавали заговорщиков, хотя и не приставали к ним прямо.

Можно думать, что эти высокопоставленные лица имели свой план переворота и, мечтая о воцарении Павла Петровича, усвоивали его матери Екатерине Алексеевне лишь опеку и регентство до его совершеннолетия. С движением гвардейской молодежи придворные люди не имели видимых связей и на прямое обращение к ним офицерства не отвечали откровенностью. О Панине рассказывают, что он однажды прямо прогнал от себя молодежь, начав тушить свечи, когда разговор о делах стал приобретать неудобный по откровенности характер. Однако в минуту переворота, начатого молодежью, вельможи прямо стали на сторону Екатерины и подготовили ей быстрый и решительный успех. Они умели следить за развитием заговора через таких лиц, какова была, например, княгиня Е. Ром. Дашкова, рожденная Воронцова. По мужу принадлежала к кругу гвардейского офицерства, по отцовской семье она была близка к кругу вельмож и служила связью между обоими кругами заговорщиков.

Младший круг заговорщиков группировался вокруг семьи Орловых. Из нескольких братьев особенно известны были два: Алексей Орлов (младший), знаменитый своей физической силой, был казначеем гвардейской артиллерии и вел крупную игру, под предлогом которой и собирал вокруг себя гвардейскую молодежь. Другой – Григорий Орлов – был лично близок к Екатерине и передавал заговорщикам ее внушения. Умышленно раздувая свою славу кутил и дебоширов, Орловы умели маскировать и свою роль организаторов, и участие в интриге Екатерины. Между тем вряд ли можно сомневаться, что за спиной как вельмож, так и гвардейцев, стояла сама Екатерина, распоряжаясь всеми пружинами рискованного дела, но оставаясь совсем в тени не только от посторонних взглядов, но и от глаз самих участников заговора. Кроме Орловых в гвардии в роли главных руководителей стояли преображенцы Пассек и Бредихин и измайловцы Рославлев и Ласунский. Эти лица подготовляли гвардейских солдат к перевороту и ручались зато, что Екатерина может располагать 10000 солдат.

Беспорядочный жизнью и кутежами заговорщики отводили от себя всякие подозрения; но брожение среди солдат не могло долго быть скрытым. Летом 1762 г. Петр держал себя так, что Екатерина должна была со дня на день ждать гибели, и поэтому заговорщики готовы были действовать, но не решались начать сами. Приближалось время имени Петра, и этот день Петр, живший в Ораниенбауме, желал провести у Екатерины в Петергофе. Ждали, что 29 июня он и решит участь своей жены. Между тем 27 июня болтливый солдат, слышавший, что Екатерина в опасности, выдал тайну заговора постороннему офицеру. Это повело к аресту Пассека; боясь открытия всего заговора, заговорщики решились действовать не медля и 28 июня удачно совершили переворот.